

Шарипова Любава Павловна

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ МОТИВ ОДЕРЖИМОСТИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

В данной статье рассматривается художественное воплощение архетипического мотива одержимости в русской поэзии советского периода. Основной задачей исследования становится попытка определить место мотива одержимости в философско-историческом контексте указанного времени, проследить его эволюцию и, основываясь на результатах литературоведческого анализа творчества русских поэтов советской эпохи, изучить и классифицировать возможные способы творческой реализации мотива одержимости в поэтических текстах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/54.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. II. С. 201-204. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Вампилов А. В.** Избранное. М.: Согласие, 1999. 776 с.
2. **Вампилов А. В.** Стечение обстоятельств: Рассказы и сцены, фельетоны, очерки и статьи. Иркутск: Вост-Сиб. кн. изд-во, 1988. 448 с.
3. **Гончаров П. А.** Творчество В. П. Астафьева в контексте русской прозы 1950-1990 гг.: монография. М.: Высшая школа, 2003. 386 с.
4. **Гончаров П. А., Гончаров П. П., Земляковская А. А. и др.** «Природный человек» в русской прозе XX века: коллективная монография. Тамбов: ТОГУП «Тамбовполиграфиздат», 2005. 204 с.
5. **Гушанская Е. М.** Александр Вампилов: Очерк творчества. Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1990. 320 с.
6. **Руссо Ж.-Ж.** Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя. Рассуждение о науках и искусстве. Рассуждение о неравенстве. М.: НФ «Пушкинская библиотека»; ООО «Издательство АСТ», 2004. 884 с.

**“A CHILD OF NATURE” IN THE FIGURATIVE STRUCTURE
OF THE PLAY “LAST SUMMER IN CHULIMSK —**

Cherbaeva Ol'ga Vladimirovna
Michurinsk State Agrarian University
olgacherbaeva@rambler.ru

The article tries to analyze the genesis of an image of “a child of nature” and natural motives in A.V. Vampilov’s creative work. The goal of the paper is to identify the place of “a child of nature” in the figurative structure of the play “Last Summer in Chulimsk” and the basic ideas propagated by the author through this image. The confrontation of “a child of nature” and civilization results in the victory of civilization: traditional lifestyle is destroyed and forgotten; “a child of nature” is deceived, rejected by the modern society. Understanding of this fact becomes a new stage in the creative evolution of a writer.

Key words and phrases: Vampilov’s theater; image of “a child of nature”; image of an “anti-natural man”; image of a “natural home”; opposition of existential and everyday matters.

УДК 821.161.1; 82-1

Филологические науки

В данной статье рассматривается художественное воплощение архетипического мотива одержимости в русской поэзии советского периода. Основной задачей исследования становится попытка определить место мотива одержимости в философско-историческом контексте указанного времени, проследить его эволюцию и, основываясь на результатах литературоведческого анализа творчества русских поэтов советской эпохи, изучить и классифицировать возможные способы творческой реализации мотива одержимости в поэтических текстах.

Ключевые слова и фразы: русская советская поэзия 20-50-х гг.; русская советская поэзия 60-90-х гг.; архетипический мотив одержимости; мистическая одержимость; одержимость идеями; одержимость любовной страстью; образы одержимых; образы одержателей.

Шарипова Любава Павловна

Казанский (Приволжский) федеральный университет
luxetmox@list.ru

**АРХЕТИПИЧЕСКИЙ МОТИВ ОДЕРЖИМОСТИ
В РУССКОЙ ПОЭЗИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА©**

Явление одержимости, как один из древнейших культурных архетипов, характеризуется, прежде всего, именно общечеловеческой значимостью и только потом, реализуясь в творчестве отдельных литераторов, вбирает в себя черты определенной народности и специфическое авторское наполнение. Универсальный характер данного явления легко реконструируется уже по фактам мифологии, фольклора и религиозных доктрин.

В общем смысле одержимость – это частичное или полное подчинение разума человека какому-либо существу или явлению.

Постепенно от мистико-религиозного понимания одержимости (бесодержимость как явление; образы одержимых и одержателей: ведьмы, оборотня, вампира, юродивого, кликуши, беса, демона и др.) человечество приходит к ее обыденному, бытовому воплощению – одержимости любовной страстью и одержимости идеями (патриотической, творческой и т.д.).

Эти два основных способа реконструирования феномена одержимости в сфере человеческой культуры будут сопутствовать данному явлению на протяжении всей его эволюции.

Трансформируясь в процессе творческого акта в архетипический мотив, явление одержимости, с одной стороны, продолжает воплощать в себе сложившиеся архетипические черты, а с другой – преобразуется в соответствии с доминирующей политической и философской идеологией, особенностями социокультурной обстановки и индивидуально-авторскими предпочтениями.

Советская поэзия, как часть общей массы советской литературы, начинает активно складываться уже в первые десятилетия после Октябрьской революции. Хотя некоторые исследователи считают датой рождения советской литературы революционный 1917 год, большинство все же берет за основу 1921-ый год – год выхода в свет первых номеров двух «толстых» журналов, с которых и пошел отсчет советского периода в истории русской литературы [8, с. 4].

Постепенное превращение литературы в орудие пропаганды, ужесточение цензуры и установка на создание образцово-коммунистических произведений вытесняют поэзию как наиболее субъективный вид литературы на второй план. Меняется и тематическая направленность произведений. Мистицизм и субъективные переживания, столь значимые для поэзии модерна, практически исчезают из советской литературы.

Накладывают на советскую поэзию свой отпечаток и военные годы. Литература обращается к патриотическому пафосу, к вопросам трудности военного времени, трагичности смертей, ценности военного подвига, жертвенности; к темам мира, возрождения, дома, семьи. Как следствие, архетипический мотив одержимости в поэзии советского периода мало востребован и потому встречается сравнительно редко.

Таким образом, в первые десятилетия советского периода русской истории мы можем наблюдать следующее противоречие: феномен одержимости, закрепляясь в русской культуре вообще (одержимость идеей строительства коммунизма, культ личности коммунистических вождей и т.д.), практически исчезает из поэтической литературы.

Образы одержимых, например, представлены очень ограниченно и часто несут в себе дополнительную смысловую нагрузку общественно-политического или социального характера.

Так, в стихотворении А. А. Тарковского «Юродивый в 1917 году» через образ юродивого раскрываются нам жизненные перемены, которые принесло Советское время [12, с. 129].

В стихотворении Н. И. Глазкова «Боярыня Морозова» мотив одержимости связан с идеей творчества. Лирический герой стихотворения прямо называет себя «юродивым Поэтограда» [11, с. 626], подразумевая свою одержимость поэзией.

В стихотворном цикле «Аленушка» О. Бергольц изначально мистический образ одержимого оборотня приобретает совсем иное, бытовое значение. Рассматривая стихотворения в социокультурном контексте эпохи, мы можем трактовать превращение человека в оборотня как воплощение негативной стороны советской идеологии [3, с. 191].

В стихотворении П. Г. Антокольского «Санкюлот» встречается образ колдуньи, который представляет собой не столько образ женщины, наделенной мистической силой, сколько – уничижительную характеристику. Образ женщины-ведьмы здесь – образ представительницы социального дна [11, с. 297].

Мотив любовной одержимости представлен в советской поэзии данного периода более широко.

В стихотворении В. М. Тушновой «Быть хорошим другом обещался» описывается болезненное, роковое для героини чувство: покинутая возлюбленным, героиня, казалось бы, смиряется со своей потерей, но в реальности испытывает совсем иное чувство: «...Снова поднимаюсь на рассвете, // пью с друзьями, к случаю, вино, // и никто не знает, // что на свете // нет меня уже давным-давно...» [13, с. 277].

Чувство любовной одержимости изображено и в стихотворении О. Бергольц «О, не оглядывайтесь назад...»: замужняя героиня живет обычной жизнью и вдруг осознает, что все это не более чем мираж, тогда как реально лишь ее чувство к умершему возлюбленному: «...А я и не знала, что это так. // Я думала, что дышу иным. // Но, казнь моя, радость моя, мечта, // Жива я только под взглядом твоим!...» [4, с. 96]. Очевидная неоднозначность в отношении героини к возлюбленному только подтверждает ее одержимость чувством.

Одержимость идеей патриотизма мы находим в стихотворном цикле О. Бергольц «Родине». Для героини это противоречивое, болезненное чувство сродни чувству любовной страсти, она так отзывается о любимой Родине: «...Изранила и душу опалила, // Лишила сна, почти свела с ума...» («Родине»: 3) [3, с. 171].

Таким образом, в русской советской поэзии 20-50-х гг. архетипический мотив одержимости встречается сравнительно редко. Намеченный в эпоху Серебряного века ряд образов и мотивов, соотносимых с мотивом одержимости, заметно сокращается. Но уже в следующем десятилетии картина резко меняется.

В русской советской поэзии 60-90-х гг. XX века архетипический мотив одержимости проявляет себя более открыто.

Преобразования в русской поэзии данного времени выводят ее на абсолютно новый качественный уровень, характеризовавшийся, в первую очередь, синтетической взаимосвязью поэтического текста и зрелищности выступления его создателя. Одержимость как один из приемов эпатажа представителей эстрадной поэзии и бардовский песни обуславливает и популярность мотива одержимости в их поэтических текстах.

Кроме того, периоды «Оттепели» и «Перестройки» в СССР постепенно стирают цензурные ограничения. Поэзия становится более личной, что превращает мотив одержимости любовной страстью одним из основных.

В частности, яркую картину любовной одержимости нам дает стихотворение Ю. В. Друниной «Любовь». Героиня осознает гибельность такой любви, но не может противостоять ей: «...И говоришь ты сердцу // – Пропадешь! – // А сердце отвечает // – Ну и что ж!...» [10, с. 553].

Унизительность и несвободу чувства любовной страсти мы встречаем в стихотворении Э. А. Асадова «Обидная любовь». Героиня осознает унизительность пренебрежительного отношения к ней возлюбленного,

но не может найти в себе силы расстаться с ним: «...И ей ли уж не знать о том, что он // Ни в чем и никогда с ней не считался, // Сто раз ее бросал и возвращался, // Сто раз ей лгал и был всегда прощен...» [1, с. 170].

Еще ярственнее выражена одержимость любовной страстью в стихотворении Р. И. Рождественского «Отдать тебе любовь?..», построенного в виде диалога лирического героя с его любимой. Одержимый любовью герой готов не только все простить своей возлюбленной, но и пойти ради нее на предательство, убийство и даже самоубийство: «...– Запри для друга дверь... // – Запру! // – Скажу тебе: убей!.. // – Убью! // – Скажу тебе: умри!.. // – Умру!..» [10, с. 715].

В стихотворении Б. Ахмадулиной «Несмеяна» лирическая героиня, понимая всю тщету своего чувства к ветреному возлюбленному, все же предпочитает его всем богатым и пригожим «царевичам»: «...И все же он, гуляка и изменник, // не вам чета. Нет. Он не вам чета...» [2, с. 34].

Вообще мотив любовной одержимости в русской поэзии 60-90-х годов отличается крайним разнообразием форм: любовь-война, вражда – в стихотворении Э. А. Асадова «Сатана» [1, с. 271], любовь-сумасшествие – в стихотворении Н. М. Рубцова «Не пришла» [9, с. 89], роковая, убийственная любовь в стихотворении В. С. Высоцкого «Серенада Соловья-разбойника» [7, с. 62] и мн. др.

Художественное воплощение мотива любовной одержимости в русской поэзии рассматриваемого периода более детально анализируется в статье «Архетипический мотив любовной одержимости в русской советской поэзии 60-90-х годов» [14].

Образы одержимых и одержателей представлены в это время не менее многогранно.

К примеру, в стихотворении А. А. Вознесенского «Надпись на —Ибранном—» в образе одержимых кликуш нам предстает толпа, настроенная против героя-поэта: «...Толпа кликуш // ждет, хохоча, у двери: // —Кс его, кус!—...» [6, с. 715].

Другое его стихотворение «Я – семья» дает нам типичную картину бесоодержимости. Лирический герой сам осознает распад своего сознания на семь других: «...Я – семья // Во мне как в спектре живут семь —я—...» [5, с. 198].

В песенных стихотворениях В. С. Высоцкого, написанных специально для кинофильма «Иван да Марья», перед нами проходит целый парад образов одержимых: «ведьма» Баба-яга и Оборотень – в стихотворении «Песня про нечистую силу» [7, с. 55]; скоморохи-зазывалы – в произведении «Ярмарка (песня скоморохов)» [Там же, с. 56]; ведьмы, Вампир, бесы – в стихотворении «В заповедных и дремучих...» [Там же, с. 63] и др.

Подобные образы одержимых и одержателей встречаются в творчестве Б. Ахмадуллиной (осмысление вредных привычек как бесоодержимости в стихотворении «Кофейный чертик» [2, с. 255]), Э. А. Асадова (образ волшебника, колдуна – в стихотворениях «Пусть меня волшебником назначат» [1, с. 180], «Любовь, измена и колдун» [Там же, с. 222]) и др.

Мотив одержимости творческой идеей звучит и в стихотворении Б. Ахмадулиной «Лунатики». Одержимость лунатиков Луной здесь сравнивается с одержимостью лирической героини творчеством: «...Мерцающая так же холодно и скупое, // Взамен не обещая ничего, // Влечет меня далекое искусство...» [2, с. 12].

Подобную картину мы находим и в стихотворениях Н. Рубцова («Я люблю судьбу свою» [9, с. 279]), В. Высоцкого («Мне судьба – до последней черты, до креста...» [7, с. 158]) и др.

Мотив одержимости идеей патриотизма в поэзии данного периода встречается крайне редко. Наиболее выражено он появляется в стихотворении Е. А. Евтушенко «Идут белые снега»: чувство лирического героя к Родине сходно по силе с любовной страстью: он любит Родину, как можно было бы любить женщину – «больше жизни» [11, с. 775], ничего не требуя взамен: «...Пусть она позабудет, // про меня без труда, // только пусть она будет, // навсегда, навсегда...» [Там же].

Как видим, архетипический мотив одержимости в советской поэзии 60-90-х гг. реализуется довольно полно. Мы встречаем в поэзии данного периода многочисленные образы одержимых и одержателей, мотив одержимости любовной страсти, мотив одержимости идеей патриотизма и идеей творчества. Кроме того, само появление эстрадной поэзии и бардовской песни сыграло большую роль в становлении современной нам интерпретации архетипического мотива одержимости, раскрывшегося во всей полноте именно в наше время.

Дальнейшая эволюция и пик развития мотива одержимости происходит уже в современной нам действительности, что подробнее раскрывается в статье «Феномен одержимости в современной русской культуре» [15].

Несмотря на расширение семантического комплекса архетипа и влияние на него индивидуально-авторского начала, мы можем наблюдать в русской литературе рассматриваемого периода все те же способы реализации архетипа одержимости: мистический и бытовой.

Мистическая одержимость передается через систему персонажей, которые, согласно народным представлениям, уже изначально воплощают в себе идею одержимости (образы ведьм, оборотней, бесов, демонов и т.д.).

Бытовая форма одержимости проявляется через художественное воспроизведение опыта эмоционального переживания этого состояния человеком (одержимость любовной страстью, одержимость идеей).

Мотив одержимости любовной страстью имеет ряд собственных модификаций, отраженных в следующих ассоциативных рядах: любовь – боль, пытка, мука, смерть; любовь – болезнь, безумие, сумасшествие; любовь – неволя, несвобода; любовь – ненависть; любовь – проклятие, роковая любовь; неправильная, запретная любовь (унизительная, обидная и т.д.).

Таким образом, в русской поэзии советской эпохи мы наблюдаем дальнейшее развитие архетипического мотива одержимости, обусловленное, в первую очередь, расширением семантического комплекса архетипа, путем формирования новых ассоциативных образований, связанных с политическими, философскими, социокультурными, творческими и личностными установками поэтов рассматриваемого периода.

Список литературы

1. Асадов Э. А. Судьбы и сердца / вступ. ст. С. А. Баруздина. М.: Правда, 1990. 448 с.
2. Ахмадулина Б. Избранное: стихи. М.: Советский писатель, 1988. 480 с.
3. Бергольц О. Собр. соч.: в 3-х т. Л.: Худож. лит., 1988-1990. Т. 1, 1988. 680 с.
4. Бергольц О. Собр. соч.: в 3-х т. Л.: Худож. лит., 1988-1990. Т. 2, 1989. 431 с.
5. Вознесенский А. А. Ахиллесово сердце. М.: Худож. лит., 1966. 282 с.
6. Вознесенский А. А. Иверский свет. Стихотворения и поэмы. Тбилиси: Мерани, 1981. 776 с.
7. Высоцкий В. С. Нерв: стихи / сост. и авт. вступ. ст. Р. Рождественский. М.: Современник, 1981. 237 с.
8. Кормилов С. И. История русской литературы XX века (20-90-е годы): Основные имена. М.: Изд-во МГУ, 1998. 425 с.
9. Рубцов Н. М. Последняя осень: стихотворения, письма, воспоминания современников. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 460 с.
10. Советская поэзия: в 2-х т. / примеч. Л. Осиповой. М.: Худ. лит., 1977. Т. 2. 912 с.
11. Строфы века: антология русской поэзии / сост. Е. Евтушенко. М.: Полифакт. Итоги века, 1999. 1056 с.
12. Тарковский А. А. Вот и лето прошло: стихотворения. М.: Эксмо, 2008. 352 с.
13. Тушнова В. М. За это можно все отдать. М.: Эксмо, 2013. 352 с.
14. Шарипова Л. П. Архетипический мотив любовной одержимости в русской советской поэзии 60-90-х годов // Современная филология: теория и практика: мат-лы XIII межд. науч.-практ. конф. (г. Москва, 9 октября 2013 г.) / Науч.-инф. издательск. центр «Институт стратегических исследований». М.: Спецкнига, 2013. С. 162-166.
15. Шарипова Л. П. Феномен одержимости в современной русской культуре // Symbolic and Archetypic in Culture and Social Relations: Materials of the IV International Scientific Conference on March 5-6, 2014. Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2014. P. 75-80.

ARCHETYPAL MOTIF OF OBSESSION IN THE RUSSIAN POETRY OF THE SOVIET PERIOD

Sharipova Lyubava Pavlovna
Kazan (Volga Region) Federal University
luxetnox@list.ru

This article considers the artistic realization of the archetypal motif of obsession in the Russian poetry of the Soviet period. The main goal of the study is an attempt to determine the location of the motif of obsession in the philosophical and historical context of the time, to trace its evolution and, basing on the results of the literary analysis of the Russian poets' works in the Soviet era, to study and classify the possible ways of creative realization of the motif of obsession in poetic texts.

Key words and phrases: the Russian Soviet poetry of the 20-50s; the Russian Soviet poetry of the 60-90s; archetypal motif of obsession; mystical obsession; obsession with idea; obsession with passion of love; images of obsessed; images of those who make obsessed.

УДК 81

Филологические науки

Статья представляет исследование структуры просодемного пространства китайского языка. Для реализации речевых единиц требуется различное время. В статье раскрываются особенности реализации такого параметра как «сжатие – растяжение» в разных коммуникативных типах фраз-предложений, а также в противопоставленных акцентных структурах. На примере китайского языка исследована зависимость параметра длительности от типа акцентной структуры в двусложном вопросительном и утвердительном предложении.

Ключевые слова и фразы: просодическая детерминанта; сжатие; растяжение; частота основного тона; акцентная структура.

Шелихова Светлана Викторовна

Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М. Ф. Решетнева
shelihovasvetlana@mail.ru

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОСОДИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАНТЫ
ЧЕРЕЗ ПАРАМЕТР «СЖАТИЕ – РАСТЯЖЕНИЕ»
В РАЗНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ТИПАХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ©**

Выявление просодических единиц важно не только для решения вопроса об интонационной норме того или иного языка, но и обусловлено дидактическими потребностями, а именно большим количеством трудностей, возникающих в процессе обучения неродному языку. Эти сложности могут быть преодолены путем привлечения в практику преподавания данных фонологического (системного) анализа просодии. Во всех